

Разговор с товарищем Маяковским

Владимир Владимирович, у меня к тебе вопросы.
Тут про тебя говорят всякое и поносят,
За то, что воспел революцию,
Сравнив с Божьим Даром поллюцию,
Как выражался Ленин, цитируя Фейербаха,
Когда третировал Авенариуса и Маха.
Ты революцию воспел,
А разочароваться не сумел, или не захотел, или не успел,
Ты революцию воспел, агитируя, горланя, главаря.
А революция оказалась неправильной, и была зря.
Ещё ты не любил Бога,
называл его хитрым, и слишком много
любил какую-то Лилю, а надо было обратно.
Разговаривал с Лениным на белой стене, а это не рукопожатно.
Подрабатывал рекламой, не стыдясь,
Занимался пропагандой, это грязь.

Вот скажи мне, товарищ Маяковский,
На вопрос мой ответь философский:
Если жить в каком-то времени,
Нужно нести на себе его бремя?
Или нужно отбросить всё к чертям собачьим
И жить возвышенным и вечным с восторгом щенячьим.
Или с мировой скорбью и печалью
Уходить куда-то вдаль за далью.

Вообще-то я хотел спросить о слОве и словесной руде,
О вдохновении летучем и тягучем труде.
Кстати, радий, с которым ты сравниваешь слово,
Ужасно вреден – он радиоактивен как полоний.
Ты искал единое слово, высиживал его как наседка яйца,
Это похоже на единую черту кисти художника Ши Тао, китайца.
Это похоже на единую теорию поля Эйнштейна, скрипача.
Это похоже на идеальное преступление карманника, щипача.
Это похоже на поиски Единого Бога, который настолько хитёр,
Что он и поэт, и художник, и физик, и музыкант, и вор.

Твой стих дошёл до нас как тот
Помянутый тобой водопровод.
Но как и римские развалины
Классичен он и антикварен.

Поэт амбициозен, он желает быть – учителем и гуру,
Но перст судьбы торчит из пальцев мойр как та фигура.
Приходят новые поэты, иной породы
И сбрасывают в Лету с парохода.
Да если б в Лету и забвение,
А то вот вставят в рамочку стихотворение...
Ему там тесно, оно тоскует и рвётся на волю, кляня поэзию-мать.
Владимир Владимирович, ты ведь любил кричать.
А теперь ты сам как твой крикогубый Заратустра
Лежишь в гробу без крика и без чувства.
А по улицам городов
Ходят обломки твоих стихов.
Они орут, раздирая горло, на которое ты наступил.
Но никто не слышит. Двадцать первый век наступил.

Владимир Владимирович, не поворачивайся в гробу спиной:
Нынче твой полный тёзка правит страной.
Правда, страна уже не та, не твоего образца.
Ничего не скажу, ставлю какое-нибудь «ламцадрица-ца».
Но мы, Владимир Владимирович, не унываем и даже шутим:
От твоего имени пишут стихи «Разговор с товарищем Путиным».

Владимир Владимирович, но что нам делать с неизвестным и в него ездой?
С бабой капризной и её во лбу или где-то ещё горячей звездой?
Вот ты говоришь, пресволочнейшая штуковина... Да просто гадина.
И хрен её знает, зачем она дадена.
Но как без любви, что к бабе, что ко Вселенной,
Так без неё не прожить, будь она трижды тленной.
И я вот думаю: для продолжения рода поэзия важнее чрева и уда.
Владимир Владимирович, ты согласен? Ну, покуда.

Владимир Владимирович, ты уж меня прости
За то, что я фамильярничал с тобой на «ты».
Всё же, считая годы жизни, я старше тебя в два раза.
За сим прощаюсь, привет товарищу Маузеру.